

М. М. Андреев-Туркин: «прошу предоставить мне возможность высказаться еще раз по моему делу...»

Зайцева Н. Н.

Михаил Михайлович Андреев-Туркин (1868-1944), уроженец г. Таганрога, общественный деятель, краевед, председатель Общества изучения местного края и местной старины, почетный гражданин города (1910). Учился в Таганрогской гимназии, но с 7 класса вынужден был оставить учебу, в связи со смертью отца и поступить на службу по рыбному делу. С 1904 по 1918 г. состоял председателем Общества призрения неимущих. В ноябре 1905 г. был избран членом городской Управы и прослужил по сентябрь 1917-го. **С 1909 по 1930 г. – заведующий музеем им. А. П. Чехова.** Способствовал открытию 5 отдельных музеев. В 1913 г. по инициативе М. М. Андреева-Туркина в Таганроге были закрыты Дома терпимости. С 1925 по 1926 г. был председателем архивной комиссии Горсовета. В 1926 г. создается архивное бюро, руководитель – из партийных, а Михаил Михайлович Андреев-Туркин – научный работник.

С лета 1937 г. – пенсионер. Таков не полный перечень того, что успел сделать Михаил Михайлович Андреев-Туркин. А стало это возможным благодаря его неумной энергии и силе духа. В чем убеждаешься на примере двух следственных дел, материалы которых были предоставлены архивным отделом Управления ФСБ России по Ростовской области.

Виновным себя не признал

Впервые М. М. Андреев-Туркин арестован сотрудниками ОГПУ 20 марта 1931 г. В постановлении о привлечении в качестве обвиняемого говорилось: «изобличается в том, что принимал участие в группировке, ставящей целью подрыва советской власти и активной антисоветской агитации». В показаниях свидетелей основным аргументом в пользу его виновности выдвигалось социальное не пролетарское происхождение. Свидетели, а это были в основном партийные, которые пришли в архив, музей, отодвинув Михаила Михайловича, характеризовали его как человека не советского, отъявленного белогвардейца. Директор музея О. П. Лапин и его помощник Г. В. Лень обвиняли его в сокрытии большого количества церковной утвари. На допросе у следователя О. П. Лапин рассказывал: «Туркина я впервые узнал в 1928 г., когда была назначена комиссия для обследования дворца с целью определения возможности сохранения его как музея, входя в эту комиссию как представитель от Общества политкаторжан. В конце 1929 г. Туркиным был поставлен вопрос о назначении одного из членов Общества политкаторжан в качестве заведующего музеем. Ставил он этот вопрос, по его словам, потому, что кто-то ему посоветовал в Москве. По-моему же, этот вопрос был выдвинут из тех соображений, что у нас в Обществе создалось мнение о Дворце [Александра I] как о месте контрреволюционного паломничества и что, заинтересовав кого-либо из нас с материальной стороны сохранить музей, изменив о нем наше мнение. В разговоре о греческом монастыре Туркин мне говорил, что ему не удалось отстоять монастырь, считая его исторической ценностью, рассказывая о какой-то живописи...». Я не случайно привела эту цитату, так как она ярко характеризует человека, который возглавил музей. Церковную утварь, которую М. М. Андреев-Туркин сохранил до 30-х годов, О. П. Лапин счел ненужной и обвинил Михаила Михайловича в том, что по наличию церковных предметов уголок представляет собой не антирелигиозный уголок, а религиозный.

В результате судебного разбирательства М. М. Андреев-Туркин виновным себя не признал. Постановлением Особого совещания при коллегии ОГПУ от 2 декабря 1931 г. было принято решение из-под стражи освободить, зачтя в наказание предварительное заключение.

Недоверие, высказанное большевиками в 1931 г., было равно черной неблагодарности человеку, который создавал музейное и архивное дело в Таганроге. В 1918 г. большевики, уходя, оставили на хранение Михаилу Михайловичу партийные документы и дела жандармского управления. И он, рискуя собственной жизнью, сохранил все это для потомков и передал городу. Прошло более десяти лет, и все это забыто. Несмотря на нанесенную обиду М. М. Андреев-Туркин не замыкается, не уходит от любимого дела. Он продолжает работать сотрудником Архбюро и параллельно ведет подготовительную работу по созданию литературного музея. 30 мая 1935 г. при его активном участии был открыт Литературный музей им. А. П. Чехова. А в декабре 1936 г. по инициативе небезызвестного О. П. Лапина, с которым не сложились отношения, на дому у М. М. Андреева-Туркина был сделан обыск, в результате которого все представляющее интерес описывается и объявляется собственностью музея или архбюро. Впоследствии оказалось, что это не так на самом деле. Часть реквизированного была возвращена. А по остальным материалам было предложено обратиться в суд и решить принадлежность судебным порядком. Михаил Михайлович был уволен с работы, а в 1938 г. был арестован.

Участник шпионской организации

Следующее дело по обвинению М. М. Андреева-Туркина было начато 4 августа 1938 г. Первые показания были подписаны через два дня, от которых впоследствии он отказался, так как подписывал в виду физического и морального воздействия со стороны следователя. На этот раз ему вменялось в вину то, что он «... является участником немецкой шпионской организации, существовавшей в г. Таганроге, по заданию которой собирал шпионские сведения об оборонной и другой промышленности г. Таганрога». А 9 марта 1939 г. предъявляется дополнительное обвинение: «... в процессе следствия установлено, что Андреев-Туркин, работая в архивном бюро, умышленно с целью вредительства запутывал учет исторических документов и их разбазаривал». Как и в предыдущий раз в вину вменялось и социальное происхождение, и служба в городской Управе. Читая протокол дознания, в котором Михаил Михайлович сознается в шпионских связях и удивляешься: как мог человек в здравом уме такое наговорить о себе. Это признание враждебного отношения к советской власти ввиду утраты собственности, доносы в жандармерию на рабочих во время работы в Городской Управе, ведение шпионской работы в пользу Германии. И закрадывается подозрение, что это не Андреев-Туркин говорит, а творческий вымысел следователя. Последующий допрос, в котором все показания ранее подписанные подследственным отрицаются, убеждает в этом. Но несмотря на то, что ни один из соседей М. М. Андреева-Туркина не подтвердил данных о встречах последнего у себя на квартире с участниками шпионской организации, на отрицание самого Андреева-Туркина контрреволюционной и шпионской работы, составляется обвинительное заключение, по которому Андреев-Туркин М. М. обвиняется по ст. 58 п. I а, 7, II УК РСФСР. В нем говорилось о том, что «... Андреев-Туркин, являясь с 1920 г. агентом немецкой разведки, в которую был завербован немецким резидентом Гробовским, по заданию которого собирал и передавал через него же немецким разведывательным органам секретные сведения о численности рабочих на металлургическом, кожевенном, Гидропрессе и других заводах г. Таганрога и вырабатываемой ими продукции. ... Кроме того, работая в архивном бюро г. Таганрога, умышленно, с целью вредительства, уничтожал ценные исторические документы, относящиеся к истории г. Таганрога и справочным данным».

22 мая 1939 г. состоялось судебное заседание Военного трибунала СКВО в выездной сессии в г. Таганроге. В своих показаниях М. М. Андреев-Туркин вновь категорически отрицает обвинения, выдвинутые в его адрес. Михаил Михайлович, так много сделавший для города, вынужден оправдываться, доказывать свою невиновность: «...Я не отрицаю, что с 1905 по 1917 г. состоял членом Городской Управы, но против рабочего движения я не выступал. А до этого я продавал рыбу и другие продукты в г. Таганроге своего дяди, акционером я никогда не был. Не отрицаю, что мой дед был акционером и имел крупное хозяйство, но после его смерти моему отцу ничего не досталось, так как отец тоже скоро умер и хозяйство деда

перешло к дяде, у которого я и работал по реализации товаров. Шпионажем я не занимался. Гробовского я знал, это доктор, бывший член Городской Управы, но с ним о шпионаже и контрреволюционной деятельности я разговор никогда не вел. Кроме того, я, будучи арестован в 1938 г., по требованию следователя написал заявлений и показаний собственноручно на 120 страницах, которых в деле нет. Там было и признание ложных данных о шпионаже и другие факты...».

В результате было принято решение: «Учитывая, что обвиняемые отказались от своих показаний, данных ими на предварительном следствии, что подтвердили и на суде, мотивируя тем, что они давали их в результате применения к ним незаконных методов воздействия. Кроме того, на суде возникло ряд вопросов, имеющих существенное значение для дела, что не представляется возможности восполнить на судебном следствии...».

Руководствуясь ст. 302 УПК РСФСР дело направить Военному прокурору СКВО для доследования. В случае если добытые вновь материалы не подтвердят контрреволюционной деятельности обвиняемых — дело прекратить».

После судебного заседания М. М. Андреев-Туркин в связи с тяжелым состоянием здоровья был направлен в тюремную больницу и пробыл там три месяца. В результате судебно-медицинского освидетельствования был поставлен диагноз: порок сердца, атеросклероз, приступы астмы, частичная потеря слуха и др.

За это время оперуполномоченным НКВД сержантом Бабиченко были тщательно собраны документы, характеризующие деятельность М. М. Андреева-Туркина в Таганрогском ОНО. Это положительные результаты многочисленных проверок работы архива и музея; письмо О. Л. Книппер-Чеховой, Марии П. Чеховой и Михаила П. Чехова, профессора С. Д. Балухатого и Е. Э. Литнеккера к секретарю Таганрогского горкома ВКП (б), председателю чеховской юбилейной комиссии С. Х. Варданьяну с просьбой отметить в предстоящие чеховские дни в Таганроге 25 лет музейно-архивной работы заведующего Таганрогским музеем им. А. П. Чехова и зам. зав. Архбюро Таггорсовета М. М. Андреева-Туркина. Приведу в пример лишь один документ, характеризующий работу М. М. Андреева-Туркина.

**Выписка из докладной записки
О состоянии и нуждах
Таганрогского музея им. А. П. Чехова**

Ученого секретаря музейного отдела
Главнауки В. В. Иваненко

Будучи в июле месяце сего (1928 г.) в г. Таганроге я ознакомился с Таганрогскими музеями, объединенными под общим наименованием музея им. А. П. Чехова. В состав указанных музеев входят в качестве отделов:

1. Художественный музей с меморативной комнатой, посвященной Чехову (находится в специальном здании, выстроенном для музея архитектором Шехтелем).
2. Естественно-исторический музей, помещающийся в здании сельскохозяйственного техникума.
3. Краеведческий музей (в периоде организации) в составе подотделов: производственно-экономический, историко-революционный, оружия, археологический, религиозных культов (антирелигиозной пропаганды). Краеведческий музей в настоящее время размещается в одном из лучших и самых больших зданий в городе (дом Алфераки), имеющем, кроме больших и светлых экспозиционных зал, прекрасный двухсветный зал для лекций.
4. Историко-бытовой дворец-музей (бывший дворец Александра I) с организуемым при нем подотделом «местной старины».
5. Домик Чехова (место рождения писателя).

Во главе всего вышеуказанного музейного объединения стоит М. М. Андреев-Туркин, на которого возложена также охрана памятников г. Таганрога. Должность заведующего музеем М. М. Туркин занимает с 1909 г. Не являясь специалистом в какой-либо отрасли музейной работы и не имея специальной музейной подготовки, М. М. Туркин имеет огромные за-

слуги в деле спасения музейного имущества и особенно наиболее ценной его части дворца-музея в годы гражданской войны, когда Таганрог переходил из рук в руки и на музейное помещение посягали и денкинцы, и германское командование, наконец, революционные органы в первый момент утверждения в Таганроге Красной армии.

Исключительное умение проявлено было также М. М. Туркиным в отношении развития в годы революции музейного дела, почти при полном отсутствии (как это видно ниже) денежных средств и в отношении получения для музейных целей новых помещений (дом Алфераки).

Правильно были поняты также М. М. Туркиным основные задачи и требования, предъявляемые к музейной работе в настоящее время — перенос центра тяжести музейной работы в области краеведения...

Ученый секретарь музейного отдела Иваненко

4.08.1928 г. Москва

После возвращения Михаила Михайловича из тюремной больницы вновь ведутся допросы, на которых он рассказывает подробно о себе и оправдывается, оправдывается, пытается убедить следствие в своей невинности: «Я честно вел работу в Городском Управлении с 1905 по сентябрь 1917 г. ... Я интересовался архивной работой и собирал в Управлении архматериалы. В 1922 г. я передал дела, хранящиеся в Управлении, в подвал Горсовета. В 1923 г. я организовал архкомиссию, привлекая к работе Броневского. В 1925 г. с переходом Таганрога в РСФСР я передал назначенному зав. Архбюро архивные политические документы по особым актам с указанием дефектов и в дальнейшем все эти дела поступают в секретный отдел. В 1918 г. мне были переданы на хранение при приходе германских войск (1 мая 1918 г.) большевиками дела бывшего жандармского управления, дела Совета рабочих крестьянских и солдатских депутатов, подлинники протоколы заседаний Советов, списки красногвардейцев, красных партизан. Сохраняя эти списки в подвалах музея, а во время денкивщины у себя дома (в музее были обыски), я, рискуя своей жизнью, спас десятки жизни граждан. Я и Броневский лично собирали документы из всех учреждений и сохранили все революционные ценности... Мог ли я брать какие-либо документы из Архбюро (кроме нескольких исторических бумаг временно берущихся мною для написания капитального многолетнего труда «История города Таганрога» или из чеховской библиотеки, в которую я и моя сестра пожертвовали в 1913 г. после смерти богатого нашего родственника его ценную библиотеку, более тысячи томов, или из музея, созданного при моем участии, что-либо. Кто поверит этому? По акту от 3 декабря 1936 г. у меня из квартиры изъяты 88 книг, дел и документов, которые вначале Лапин, а затем Бакланов почти целиком считают не принадлежащими мне. В моем подробном объяснении в начале 1937 г., посланному Верховному прокурору Вышинскому, а в конце 1937 г. бывшему таганрогскому прокурору я указывал, что лишь незначительное количество изъятых документов взяты мною временно для моей работы... Это было действительно так, но без злого умысла, так как я писал историю города Таганрога...».

Постановлением прокурора г. Таганрога дело о расхищении документов из архива было прекращено в 1937 г. В деле имеются также показания Валентина Ивановича Бобрика, архивариуса, который подтвердил показания Андреева-Туркина о варварском отношении к архивным документам зав. Исполкомом Губарева.

В марте 1940 г. дело закрывается и передается прокурору СКВО, к которому обращается с заявлением М. М. Андреев-Туркин: «... Мне 72-й год. Я работал на общественной работе 35 лет... Прошу предоставить мне возможность высказаться еще раз по моему делу...».

15 апреля 1940 г. зам. военного прокурора СКВО бригадюр Четвериков, рассмотрев дело № 43149 по обвинению Андреева-Туркина М. М., и руководствуясь ст. 221 УПК РСФСР постановил: за недостаточностью собранного для предания суду доказательств дело прекратить и обвиняемого из-под стражи освободить.

Казалось бы, справедливость восторжествовала, но не тут то было. Далее следует выписка из протока № 96 Особого Совещания при Народном комиссаре внутренних дел СССР от 27 августа 1940 г. Особое совещание постановило: «... Андреева-Туркина М. М. за

участие в антисоветской организации сослать в Казахстан сроком на пять лет, считая срок с 4 августа 1938 г.», т. е. со дня ареста.

И Михаил Михайлович Андреев-Туркин оказался в Кустанайской области. В 1943 г. он подавал жалобу о пересмотре дела, но Секретариат Особого Совещания при НКВД СССР от 29 июня 1943 г. в пересмотре решения по его делу отказал. Только 15 мая 1989 г. М. М. Андреев-Туркин на основании статьи 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР «О дополнительных мерах по восстановлению справедливости в отношении жертв репрессий, имевших место в период 30-40-х и начала 50-х гг.» посмертно был реабилитирован.

Из материалов архивных следственных дел в отношении

Андреева-Туркина Михаила Михайловича

Протокол допроса Андреева-Туркина М. М.

25 октября 1939 г. г. Таганрог

Допрос начат в 16 ч. 15 мин.

Вопрос: *Расскажите о своем социальном прошлом.*

Ответ: *Мой прадед был взят мальчиком в 1796 г. солдатом Андреевым после взятия гор. Измаила армией Суворова. Прадед был привезен в г. Таганрог, здесь был окрещен, так как был он мусульманин. Фамилию он носил Андреева. Здесь в Таганроге он работал извозчиком. Старший сын его Аким Андреевич, мой дед по отцу. Аким Андреевич также занимался извозным промыслом и умер в 1886 г. в г. Таганроге. Примерно с 1854-1885 г. он занимался рыбным промыслом и считался купцом III гильдии. Отец мой, умер в 1881 г., служил у деда, т. е. у своего отца, и своего имущества не имел. Вся наша семья после смерти отца перешла на иждивение деда, а после смерти деда, имущество перешло по наследству его сыну Василию Акимовичу Андрееву, у которого я служил в качестве приказчика по рыбному делу, младший мой брат работал приказчиком в селе Семибалках в хозяйстве дяди, т. е. Василия Акимовича Андреева. В 1912 г. дядя купил 200 десятин земли, в Таганроге у него имелся дом, оставшийся по наследству от бабки, а второй дом он купил в 1902 г. Дядя умер в 1913 г. и мне по наследству досталось имущество дяди: дом, купленный в 1902 г., в котором я проживал до 1917 г. В 1917 г. я продал его и жил в арендованном мною флигельке, вначале платил аренду Холодову (хозяин дома), а затем с 1926 г. по постановлению Таганрогского горсовета мне был предоставлен этот же флигель в бесплатное пользование за то, что мною было сделано советской власти в части охраны исторических и революционных памятников.*

С 1905 г. я был избран гласным Городской Управы, где и работал до августа 1917 г. Являясь членом Городской Управы на меня были возложены обязанности заведывания финансовой частью, раздачей городской выгонной земли, председательствовал в оценочно-налоговой комиссии, присутствие в воинском присутствии во время наборов, заведывал еврейскими и сектантскими делами, временно заведывал аптекой, санитарным двором, пожарной командой, также временно заведывал ночной сторожевой охраной г. Таганрога.

В 1910 г. по ходатайству попечительного Совета Коммерческого училища, где я состоял помощником председателя Попечительного Совета, мне было правительствующим Сенатом присвоено звание личного Почетного гражданина. С 1914 по 1917 г. я являлся товарищем председателя и заведующим финансовой частью Таганрогского отделения Всероссийского Союза городов, Всероссийского Земельного Союза и Таганрогского комитета раненых, неся эту должность бесплатно. С апреля 1919 г. я снова был приглашен на работу товарищем председателя по финансовой и контрольной части Таганрогского отделения Земельного Союза, я получал жалование. Эту должность я занимал вплоть до прихода советской власти, т. е. до 9 января 1920 г. В день прихода соввласти я ревкомом был назначен заведующим финансовой и контрольной частью Здраводела и члена коллегии Здраводела. Эту должность я занимал до весны 1922 г., одновременно состоял председателем музейной коллегии, причем необходимо отметить, что я с 1909 г. по 1920 г. заведывал чеховским музеем. После прихода советской власти в город Таганрог мне Ревкомом было поручено соби-

рать все исторические, художественные и революционные ценности для музея. Материалов собралось очень много, поэтому материал был распределен по его исторической ценности, таким образом был создан Чеховский домик, естественно-исторический музей, который был создан под руководством профессора Тарнани, а заведывал этим музеем профессор Ангер. Еще с 1918 г. я заведывал бывшим дворцом Александра I с устройством там музея с отделами: революционным, местной старины и оружия. Заведывание этим музеем было подтверждено вторично указанием Ревкома в 1920 г. Моя музейная работа продолжалась с момента восстановления соввласти в г. Таганроге и до 30 декабря 1930 г.

30 декабря 1930 г. я был отстранен от работы, а в марте 1931 г. я был арестован Таганрогским горотделом НКВД, обвинялся за хранение оружия, за переписку с заграницей и за якобы организационную деятельность против соввласти.

Оружие действительно было, но оно было в музее и хранилось как музейные редкости конца XVI в. и позднейших времен. С заграницей я переписки не имел, а имел деловую переписку с бывшими в то время в Германии артистами Станиславским и женою Антона Павловича Чехова — О. Книппер-Чеховой, которых я просил, когда они будут в Германии, чтобы заехали в Баденвейлер, где умер А. П. Чехов, чтобы узнать, что можно будет приобрести для музея Чехова из его бывших вещей и мебели, другой связи ни с кем не имел.

24 декабря 1931 г., т. е. через 9 месяцев я был освобожден и снова поступил работать в Архивное бюро научным сотрудником, где и работал до 1936 г., после чего мне Горсоветом и Горкомом было поручено организовать литературный музей им. А. П. Чехова, который и был мною организован при помощи и непосредственном участии профессора Балухатого и Лейтнекера.

В мае 1935 г. музей был открыт в присутствии народного артиста Москвина, артистов Книппер-Чеховой, Вишневого и др.

В декабре 1936 г. у меня на дому был сделан обыск и были изъяты книги, лично мне принадлежащие, большинство из них является уникальными, и мне было предъявлено обвинение в незаконном хранении архивных книг и некоторых документов, которые я брал на дом для работы. Дело разбиралось в прокуратуре г. Таганрога, которая признала мое увольнение правильным.

С 1933 г. работал член-корреспондентом Государственного исторического московского музея, куда я подал ряд ценных исторических материалов по истории событий в г. Таганроге. Эти сведения я получил при разборе архива дворца Александра I. Мною также было отослано ряд материалов исторического характера, начиная с конца XVIII в. и весь XIX в. по историческим документам до того неизвестным. ...

Записано с моих слов на допросах 25 и 27 октября 1939 г. верно, лично мною по выздоровлению 13.01.1940 г. прочитано в чем и расписываюсь.

Постановление

1940 г. апреля 15 дня, г. Ростов-на-Дону

Зам. Военного прокурора СКВО Бригвоенюрист Четвериков, рассмотрев дело № 43149 по обвинению Андреева-Туркина М. М. По ст. 58 — 1 а и 58 — II УК РСФСР

Нашел:

Андреев-Туркин М. М., 1868 г. р., уроженец г. Таганрога, б/п, до 1917 г. член Городской Управы, затем работник Архбюро и : 1937 г. пенсионер, был арестован 3 августа 1938 г. Таганрогским горотделом НКВД по обвинению в шпионаже.

Основанием к аресту послужили:

1) Показания обвиняемого Косик А. От 29.07.1938 г., который заявил, что он по шпионской деятельности имел связь с Андреевым-Туркиным, а в чем связь заключалась, в какой период времени, в показаниях ничего конкретного не указано.

2) Показания Степанова Николая от 27 июля 1938 г., который якобы предложил Андрееву-Туркину вступить в контрреволюционную организацию, на что Андреев-Туркин ответил, что он уже состоит. Когда это было и в какой обстановке ничего также конкретно не указано.

Показания Косик и Степанова в данное время и не могут быть уже уточнены ввиду их осуждения [4].

19 октября 1938 г. при допросе обвиняемый Андреев-Туркин показал, что он в течение ряда лет занимался шпионажем, будучи связан с разными лицами. В дальнейшем он от своих показаний отказался, заявив, что они даны были вынужденно. При проверке его показаний, причастность его к шпионской деятельности ни в чем подтверждения не нашла, а названные им лица, с которыми он якобы имел связь по шпионажу, оказались умершими давно, или же лицами, на которых кроме его показаний, никаких данных нет.

Что касается имеющихся в деле материалов о деятельности Андреева-Туркина по работе в Архбюро, то дело это расследовалось еще в 1937 г. и прокурором г. Таганрога прекращено.

Поэтому и принимая во внимание, что общие, ничем объективно не подтвержденные показания Косик и Степанова не могут служить достаточным основанием для предания Андреева-Туркина суду и руководствуясь ст. 221 УПК РСФСР

Постановил:

Дело № 43149 по обвинению Андреева-Туркина М. М., за недостаточностью собранных для предания суду доказательств, на основании ст. 204 п. «б» УПК РСФСР, дальнейшим производством прекратить и обвиняемого из-под стражи освободить.

Зам. Военного прокурора СКВО

бригвоенюрист Четвериков

Автор выражает благодарность за помощь в подготовке публикации сотрудникам архивного отдела Управления ФСБ России по Ростовской области.